

ТЕОРЕТИЧЕСКИЙ СЕМИНАР СЕКТОРА ЭТИКИ

3 марта 2016 – 15:30

☞

**Артемьева
Ольга Владимировна**

«Sensus communis» в опыте человеческих отношений

Тезисы доклада

В 2012 году в секторе я делала доклад на близкую тему – «О здоровом смысле» и потом вышла статья «“Здравый смысл” и мораль». Доклад был посвящен реконструкции основных значений понятия «здравый смысл» в философии и их возможной систематизации, а в статье в первую очередь ставилась задача рассмотреть вопрос о том, каковы особенности того понимания морали, которое в качестве неперемennого условия предполагает апелляцию к «здоровому смыслу». Именно выявление этических импликаций темы «здорового смысла» составляет замысел данного доклада.

В 2012 г. были сделаны некоторые предварительные замечания, которые важно иметь в виду и сейчас.

1. **Терминология.** Эта проблема для меня не просто осталась непреодоленной, но и усугубилась. Она связана с тем, что семантика как английского философского понятия «commonsense», так и французского «bonsens» гораздо шире объема значений русского понятия «здравый смысл» в привычных для нас коннотациях, в некоторых случаях употребления только пересекаются, а в некоторых – это просто *другие* понятия. Кроме того, иногда «commonsense» или «bonsens» употребляются в значении «здравый смысл» в привычном для нас понимании, но это значение не является определяющим. Конечно, встречаются случаи, когда и «commonsense», и «bonsens» употребляются в значении «здорового смысла», это происходит преимущественно тогда, когда они используются как выражения обыденного языка.

В силу данных обстоятельств использование русского выражения «здравый смысл» даже в завышенном виде ведет к путанице. По этой причине я теперь использую латинский термин «sensuscommunis», который является источником как английского, так и французского понятий, тем более, что в некоторых философских текстах используется именно латинское понятие: например, у Шфтсбери в трактате «SensusCommunis: Опыт о свободе острого ума и независимого расположения духа в письме другу» или у Кант – в первой части «Критики способности суждения».

Второе замечание касается многозначности и, как следствие, неопределенности понятия «sensuscommunis», затрудняющей его объяснение. Это понятие имеет целый ряд семантических прообразов как в истории философии, так и в литературе. Считается, что понятие «sensuscommunis» сформировалось на основе греческих понятий $\kappa\omicron\iota\nu\sigma\kappa\alpha\iota\sigma\eta\mu\iota\sigma\iota\varsigma$ (общее чувство), $\kappa\omicron\iota\nu\sigma\tau\omicron\iota\alpha$ (общее понятие) и $\kappa\omicron\iota\nu\sigma\tau\omicron\iota\alpha$ (общий ум).

О многообразии значений «sensuscommunis» можно судить по исследованию К.С. Льюиса «Studies in Words», в котором Льюис на основе анализа философских и литературных текстов выявляет различные коннотации «sensuscommunis», представляя тем самым

довольно полную картину. Среди выявленных коннотаций и те, которые оказываются ключевыми в разных версиях философского понятия «sensuscommunis»:

1. Здравый рассудок

Пример. Эпиктет (Беседы): Он употребляет слово *κο...νοј* (общий) как «обычный», «простой», а также «здравый» в противоположность безумному: «... существуют определенные вещи, которые люди, не совершенно свихнувшиеся, видят в соответствии с обыкновенными возможностями. Такое состояние называется обыкновенным умом (*κο...νοјνοΎј*)». [Близкое понимание: басня Федра «Лиса и маска»]

2. Социальная добродетель (наиболее распространенное употребление в римской литературе. «Communis» в этих контекстах понимается как открытый, свободный, совместный, также может означать дружеский, вежливый, отзывчивый.

Примеры.

Квинтилиан (О наставлении оратора, I, ii, 20): лучше послать мальчика в школу, чем нанимать ему домашнего учителя, поскольку если его держать вдали от людей, как он узнает то чувство (*sensus*), которое мы называем «*communis*».

Также «*sensuscommunis*» может означать такт в отношениях между людьми. Гораций: Человеку, который говорит с вами, когда вы явно этого не хотите, определенно не достает *communis sensus* [Гораций. Сатиры. I, iii, 60 / Пер. М.Дмитриева].

3. Все, что составляет общий опыт человечества (чувства, мысли, мнения) – через что проходят все люди (переживания страдания и удовольствия; опасений и надежд; опыт мышления и т.д.)

В этом употреблении «*sensuscommunis*» может наделяться как отрицательными, так и положительными значениями, в зависимости от того, как понимается «*communis*»: как расхожий, обыденный, заурядный или как нормальный, т.е. задающий норму.

В первом случае общий опыт человечества противопоставляется опыту подлинных знатоков, или ценителей прекрасного или просто тонко чувствующих.

Пример.

Цицерон (Об Ораторе I, iii, 12 / Пер. А.Ф. Петровского): ... в остальных науках и искусствах познания обыкновенно черпаются из отвлеченных и трудно доступных источников, в красноречии же общие основы находятся у всех на виду, доступны всем и не выходят за пределы повседневных дел и разговоров; поэтому-то в других науках более ценится то, что менее доступно пониманию и представлениям непосвященных, в красноречии же, напротив, нет порока больше, чем уклонение от обыкновенного склада речи и от общепринятых понятий (*communis sensus*). [англ. – *senseofthecommunity*]

Во втором случае «*Sensuscommunis*» наделяется положительным значением и ставится в один ряд с истиной, природой вещей. То есть употребляется в качестве нормативного понятия.

Пример.

Цицерон (О пределах блага и зла IV, 55).

Сенека в Письме IXк Луцилию (21) излагает стоическое учение о самодостаточности мудреца, и призывает Луцилия не думать, что только стоики

бросаются высокими словами, говорит, что «мысли эти принадлежат всем (*sensus essecommunes*) и, значит, подсказаны природой» и их даже можно найти у комического поэта.

Иезуит Хуан де Мариана («О короле и институте королевской власти», 1598): «*sensuscommunis*» есть, так сказать, голос природы, с помощью которого мы можем отличить добро от зла.

Особенность подхода Льюиса состоит в том, что он анализирует контексты, в которых появляется «*sensuscommunis*», но во всех приведенных примерах авторы не анализируют специально значение «*sensuscommunis*» и тем более – не выстраивают особую концепцию; выражение «*sensuscommunis*» употребляется как интуитивно очевидное.

С точки зрения прояснения особенностей морали, апеллирующей к «*sensuscommunis*», опыт литературных словоупотреблений может оказаться полезным (он расширяет наше представление, позволяет преодолеть стереотип восприятия «здорового» смысла в русском языке), но он не является определяющим. Понятно, что для того, чтобы разобраться с самим понятием и его этическими импликациями, надо обращаться к концепциям, в которых понятие «*sensuscommunis*» представляет предмет специального философского интереса. В этом качестве «*sensuscommunis*» присутствует у Шафтсбери, Дж. Вико, писателей шотландской школы здравого смысла (Т. Рид, У. Гамильтон), французских просветителей (К. Гельвеция, Ж.-Ж. Руссо, П. Гольбах), И. Канта и Г. Сиджвика, раннего А. Бергсона, Х. Арндт, Х.-Г. Гадамера.

2. При всем разнообразии подходов к трактовке «*sensuscommunis*» как философского понятия, их объединяет то, что данное оно используется в ходе осмысления **человеческого опыта**. Особенность этого опыта состоит в том, что он не является внутренним – опытом общения человека с самим собой. Это опыт освоения действительного, «земного» мира, обустройства и участия в нем – в мире природы или собственно человеческом мире, мире совместного существования. Этот опыт не столько познавательный, сколько практический в широком смысле слова.

В докладе я опираюсь прежде всего на рассуждениях Х. Арндт. Ее осмысление «*sensuscommunis*», помимо всего прочего, интересно тем, что в нем в своеобразном виде содержатся по существу все основные интерпретации данного понятия: как общего чувства (Аристотель, Августин, Фома Аквинский); как особой способности суждения (Рид, Кант, Сиджвик); как чувства общности, которое проявляется в общем понимании и определяет суждения людей по поводу «дел человеческих» (Шафтсбери, Дж. Вико, А. Бергсон, Х.-Г. Гадамер).

В интерпретации «*sensuscommunis*» Арндт открыто следует за И. Кантом, принимая концепцию «*sensuscommunis*», которую он развивает в «Критике способности суждения». Однако, для Арндт, в отличие от Канта, это понятие приобретает фундаментальную значимость. Последнее определяется тем, что Арндт рассматривает сферу действия «*sensuscommunis*» как сферу бытия человека, не принимая Кантово представление о принадлежности человека двум мирам – ноуменальному и феноменальному. С точки зрения Арндт, феноменальный мир, мир явлений и есть бытие.

В «Лекциях по политической философии И. Канта» Арндт выделяет у Канта три основные позиции/концепции рассмотрения «дел человеческих»: а) человеческий род; б) человек как разумное, моральное существо, принадлежащее ноуменальному миру, цель сама

по себе, он автономен, следует универсальным законам, которые сам себе предписывает; в) люди во множественном числе, целью которых является общительность. Именно третью позицию Арендт считает самой существенной и определяет ее как политическую. Данная позиция задает контекст обсуждения «sensus communis»: «Люди=земные существа, живущие в сообществе, обладающие common sense, sensus communis, community sense; они не автономны, нуждаются в участии других людей даже для того, чтобы мыслить»¹.

Главная особенность третьей позиции/концепции состоит в признании множественности всего существующего как «закона земли», того, что «не Человек, но люди населяют эту планету».

Множественность, которую Арендт считает одним из основных экзистенциальных условий жизни людей в этом мире, понимается ею особым образом. Речь идет не просто о констатации множественности населяющих землю людей как внешнем обстоятельстве жизни любого человека, но о множественности как совместности, т.е. реальной связанности, взаимной зависимости людей в их бытии. Взаимная зависимость в бытии означает, что люди нуждаются друг в друге не только в попытках удовлетворить свои обыденные нужды и интересы, но и в стремлении реализовать себя в качестве человеческого существа – в речи и поступке.

Естественное местопребывание людей во множественном числе – это реальный мир, который существует до того, как человек приходит в него, и будет существовать после ухода человека. Под реальным миром Арендт понимает не мир природы, а «создание рук человеческих», это мир вещей и «всего, что разыгрывается между людьми».

Реальный мир – это мир *явлений*, в котором люди проявляют себя, становятся видимыми для всех других людей. Но человек не просто хочет, чтобы его увидели, услышали и заметили, он стремится к тому, чтобы все, что будет им сделано и сказано, было воспринято, понято и оценено другими. Чрезвычайно важно для Арендт то, что за миром явлений нет никакой другой, скрытой и определяющей мир явлений сферы, здесь бытие и явление совпадают.

Люди не просто пребывают в мире явлений в качестве богоподобных зрителей, обитающих в действительности в какой-нибудь ноуменальной сфере, они полностью принадлежат этому миру.

«Sensus communis» представляет собой способность, которая позволяет человеку существовать (= бытийствовать) в мире явлений среди других людей и реализовать себя в качестве человеческого существа. В самом общем смысле «sensus communis» в контексте рассуждений Арендт – это способность восприятия и суждения, принципиальная особенность которой состоит в том, что она направлена не «внутри» человека – не на него самого (что бы мы ни считали «им самим» – ум, идеи или еще на какой-то внутренний центр), а «вовне» – на реальный человеческий мир.

Понятие «sensus communis» используется Арендт в трех значениях: а) в значении общего чувства, семантическим прообразом которого можно считать *κοινωνία* Аристотеля; б) в значении способности суждения и различения правильного и неправильного, предмет которой – жизнь среди людей; в) в значении чувства сообщества и общего понимания.

«Общее чувство»

¹Арендт Х. Лекции по политической философии И. Канта / Пер. с англ. А.В. Говорунова. СПб.: Наука, 2012. С. 51–52.

Роль «общего чувства» (commonsense) – объединяющего начала всех пяти внешних чувств Арендт видит в том, что оно объединяет и координирует данные пяти внешних особенных субъективных чувств, каждому из которых мир открывается одной своей стороной. Благодаря «общему чувству» мы воспринимаем мир целостно. На этом уровне «общее чувство» порождает ощущение реальности, позволяющее нам чувствовать себя «как дома в мире, данном нам в пяти чувствах».

Однако подлинное чувство реальности возникает лишь тогда, когда то, что человек воспринимает с помощью своего «общего чувства», подтверждается другими людьми. Арендт стремится показать, что мы удостоверяемся в реальности мира, когда устанавливаем его общность для всех людей через опыт intersubjectивности, который проявляется в том, что люди взаимно соотносят свои представления, оценки и приходят к общему мнению и согласию. Такое согласие достигается в результате применения особой способности суждения и различения правильного и неправильного, которую Арендт выражает понятием «sensuscommunis».

«Sensuscommunis» как способность суждения

В определении «sensuscommunis» как способности суждения Арендт опирается на формулировку Канта в «Критике способности суждения»: «... под sensuscommunis следует понимать идею *общего для всех* (geneinschaftlichen) чувства, т.е. способности суждения, которая в своей рефлексии мысленно (a priori) принимает во внимание способ представления каждого другого, дабы собственное суждение *как бы* считалось с совокупным человеческим разумом и тем самым избегало иллюзии, которая могла бы оказать вредное влияние на суждение ввиду субъективных частных условий, какие легко можно принять за объективные»².

Ключевую максиму «sensuscommunis» – «мысленно ставить себя на место каждого другого» Кант характеризует как «максиму широкого образа мысли». В представлении как Канта, так и Арендт, действие «sensuscommunis» проявляется в соотнесении и согласовании позиций возможно большего количества людей. Благодаря способности «sensuscommunis» человек освобождается от предубеждений, односторонних взглядов, и его суждение обретает свою основную «добродетель» – беспристрастность (хотя бы относительную и насколько это возможно). Таким образом, «sensuscommunis» как соотнесение своих мнений, представлений, идей с мнениями, представлениями и идеями других людей по поводу «человеческих дел» как «широкий образ мысли» оказывается необходимым условием любого обоснованного суждения.

Помимо того, что способность «sensus communis» выполняет критическую функцию в отношении собственных суждений, она выступает также в качестве необходимого условия самореализации человека в публичной сфере. Арендт называет эту способность специфически человеческой (отличающей человека от богов и животных), поскольку от нее зависит коммуникация, то есть речь. Благодаря «sensus communis» человек имеет возможность *сообщать* другим свои чувства, представления, мысли, оценки, а также проверять свои идеи (для сообщения нужд и потребностей, выражения страха и боли речь не нужна, достаточно жестов и звуков). В полной мере способность «sensus communis» может раскрыться только в публичной сфере – открытом для всех, но упорядоченном пространстве,

²Кант И. Критика способности суждения // Кант И. Собр. соч. в 6 т. Т. 5. М.: Мысль, 1966. С. 307.

в котором люди проявляют себя в речах и поступках и вырабатывают принципы совместной жизни, исходя из представлений о наилучшем.

«Общее понимание», «чувство сообщества»

В результате применения способности «*sensus communis*» возникает пространство общего понимания, задающего чувство сообщества (*community sense*). Это чувство формируется в ходе совместной деятельности людей, в процессе которой они сравнивают свои взгляды на мир с помощью речи. Общее понимание, которое складывается в результате такого сравнения, динамично, оно постоянно обновляется, уточняется, корректируется, направляемое опытом. И, являясь результатом применения способности «*sensus communis*», в свою очередь становится ее основанием.

Не только Арендт, но и многие до нее, придерживались представления о «*sensus communis*» («*commonsense*») как об общем понимании, или совокупности содержательных принципов, на которые опираются люди в своих суждениях. Принципиальное своеобразие представления Арендт об «общем понимании» состояло в осознании его подвижного, пластичного характера, его обусловленности не особенностями общей природы, которой обладает каждый человек в отдельности, а опытом совместной жизни людей. Близкого понимания придерживался Дж. Вико, который связывал «*sensus communis*» с чувством общности, которое распространяется на сословие, народ, нацию, весь род человеческий.

Обычно «*sensus communis*» в философских концепциях противопоставляется, с одной стороны, суевериям, предрассудкам, стереотипам, предубежденностям, а с другой – нарочито экстравагантным философским теориям (Т. Рид), «логическому своемыслию» (Кант), философскому догматизму (Вико, Сиджвик, Бергсон). Для Арендт общая тема «*sensus communis*», кроме этого, была важна с точки зрения поиска возможностей противостояния тоталитаризму и тоталитаристским идеологиям. Самыми благоприятными условиями для появления и утверждения тоталитаризма она считает утрату живых связей между людьми и контактов человека с реальностью. Изолированный от других и от опыта совместной жизни человек, утрачивает способность мыслить и учиться на опыте, попадает под власть идеологии и лишается возможности противостоять ей.

«*Sensus communis*», конечно, не спасает от тоталитаризма, в особенности, когда он уже утвердился. Утверждение тоталитаризма и его идеологии свидетельствует как раз о том, что пространство «*sensus communis*» уже разрушено. Однако «*sensus communis*» как культивирование способности суждения – «широкого образа мысли», как постоянный обмен мнениями, оценками, идеями по самым важным для жизни сообщества вопросам, как создание живого пространства общего понимания и согласия – «подвижной ткани межчеловеческих связей», может препятствовать зарождению тоталитаризма и развитию идеологий.

* * *

Для Арендт проблематика «*sensus communis*» связана в первую очередь с политической сферой. Однако в лекциях «Некоторые вопросы моральной философии» она определенно вводит данную проблематику в этику. И это понятно. Кант видел возможность морали в принадлежности человека ноуменальному миру, а моральность человека, с его точки зрения, проявляется в подчинении воли универсальному закону. Для Арендт такого мира не существует. Человек всецело принадлежит миру «сделанного руками» и всего того, что «разыгрывается между людьми». По-другому его можно назвать миром культуры.

Именно он оказывается тем единственным пространством – пространством морали, где человек действует как моральный субъект. Сам моральный субъект при этом понимается целостно, он не сводится к мыслящему эго, обращенному на себя самого, а включает волю и способность к суждению, моральный субъект обращен вмир и включен в его всеми своими пятью внешними чувствами.

Представление Арендт о реальном мире как о пространстве осуществления морального субъекта определяет особенности понимания морали, в частности, – мораль не сводится здесь к отношению субъекта с самим собой, как и к отношению субъекта к безусловным моральным законам. В качестве необходимого самостоятельного компонента мораль включает отношения между людьми. Моральное качество этих отношений не может обеспечиваться автоматически устремленностью каждого по отдельности к идеалу или следованием безусловным моральным законам. В первую очередь оно определяется способностью каждого ставить себя на место конкретного другого, понимать другого, искать его понимания и стремиться к достижению общего согласия.

Важным для понимания морали является признание множественности как ключевой характеристики реального мира. Для Арендт такое признание оказывается основанием для значимого методологического замечания о том, что моральные предписания, адресованные человеку как единственному моральному субъекту, автономному и не зависящему от других, не могут быть адресованы человеку как действующему существу, которое больше заботится не о здоровье своей бессмертной души, а о мире. Арендт подчеркивает, что любые попытки сообщества следовать этическим предписаниям, относящимся к человеку в единственном числе, ведут к катастрофическим последствиям для сообщества, а в конечном итоге и для самого человека, коль скоро никакого другого мира для него не существует.

Этим пониманием определяется особое значение, которое Арендт придает способности суждения – способности соединения общего (правила, нормы, идеала) с частным, которая, в частности, позволяет человеку понимать уместность применения различных норм в конкретных ситуациях. Отсутствие или неразвитость этой способности, когда дело касается поведения, оборачивается «моральной черствостью или безумием».

Основная литература:

Арендт Х. Жизнь ума / Пер. с англ. А.В. Говорунова. СПб: Наука, 2013. С. 25–127.

Арендт Х. Истина и политика / Пер. с англ. и нем. Д. Аронсона // Арендт Х. Между прошлым и будущим. М.: Институт Гайдара, 2014. С. 334–389.

Арендт Х. Истоки тоталитаризма. М.: Центрком, 1996. С. 608–622.

Арендт Х. Лекции по политической философии И. Канта / Пер. с англ. А. Глухова. СПб.: Наука, 2012. С. 23–136 (115–136).

Арендт Х. Некоторые вопросы моральной философии / Пер. с англ. Д. Аронсона // Арендт Х. Ответственность и суждение. М.: Изд-во Института Гайдара, 2013. С. 193–204.

Арендт Х. Vita Activa, или о деятельной жизни / Пер. с англ. и нем. В.В. Бибикина. СПб.: Алетейа. С. 65–75, 276–277, 367–373.

Кант И. Критика способности суждения // Кант И. Собр. соч. в 6 т. Т. 5. М.: Мысль. С. 304–317.

Lewis C.S. Studies in Words, 2nd ed. Cambridge: Cambridge University Press, 1967. P. 146–150.

